

ЭРНЕСТ

ХЕМИНГУЭЙ

ФИЕСТА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Эрнест Миллер Хемингуэй
Фиеста

«ФТМ»
«Издательство АСТ»

1926

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хемингуэй Э.

Фиеста / Э. Хемингуэй — «ФТМ», «Издательство АСТ»,
1926 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-080110-7

Атмосфера послевоенного Парижа, знаменитые литературные кафе, существующие по сей день, испанская коррида, рыбалка, влюбленность в женщину и невозможность быть с ней, ревность, разочарования, попытка забыться алкоголем – все это описано в свойственном Хемингуэю «телеграфном» стиле, лаконичном и сдержанном. И тем не менее читателей пленяет и завораживает эта история. Книга также выходила под названием «И восходит солнце». В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-080110-7

© Хемингуэй Э., 1926

© ФТМ, 1926

© Издательство АСТ, 1926

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эрнест Хемингуэй

Фиеста

Ernest Hemingway
THE SUN ALSO RISES

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1926
© Перевод. В.М. Топер, наследники, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Все вы – потерянное поколение.
Гертруда Стайн

*Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки.
Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно
восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится
на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в
море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они
возвращаются, чтобы опять течь.*
Екклезиаст

Книга первая

Глава первая

Роберт Кон когда-то был чемпионом Принстонского университета в среднем весе. Не могу сказать, что это звание сильно импонирует мне, но для Кона оно значило очень много. Он не имел склонности к боксу, напротив – бокс претил ему, но он усердно и не щадя себя учился боксировать, чтобы избавиться от робости и чувства собственной неполноценности, которое он испытывал в Принстоне, где к нему как к еврею относились свысока. Он чувствовал себя увереннее, зная, что может сбить с ног каждого, кто оскорбит его, но нрава он был тихого и кроткого и никогда не дрался, кроме как в спортивном зале. Он был лучшим учеником Спайдера Келли. Спай-дер Келли обучал всех своих учеников приемам боксеров веса пера, независимо от того, весили ли они сто пять или двести пять фунтов. Но для Кона, по-видимому, это оказалось то, что нужно. Он и в самом деле был очень ловок. Он так хорошо боксировал, что удостоился встречи со Спайдером, во время которой тот нокаутировал его и раз навсегда сплющил ему нос. Это усугубило нелюбовь Кона к боксу, но все же дало ему какое-то странное удовлетворение и, несомненно, улучшило форму его носа. В последний год своего пребывания в Принстоне он слишком много читал и начал носить очки. Никто из его однокурсников не помнил его. Они даже не помнили, что он был чемпионом бокса в среднем весе.

Я отношусь с недоверием ко всем откровенным и чистосердечным людям, в особенности когда их рассказы о себе правдоподобны, и я долгое время подозревал, что Роберт Кон никогда не был чемпионом бокса, – просто на лицо ему наступила лошадь, а может быть, мать его испугалась или загляделась или он в детстве налетел на что-нибудь; но в конце концов мне удалось навести справки у Спайдера Келли. Спай-дер Келли не только помнил Кона – он часто думал о том, что с ним случилось.

Роберт Кон со стороны отца принадлежал к одному из самых богатых еврейских семейств в Нью-Йорке, а со стороны матери – к одному из самых старинных. В военном училище, где он готовился к поступлению в Принстонский университет и занимал почетное место в футбольной команде, ничто не напоминало ему о расовых предрассудках. Никто ни разу не дал ему почувствовать, что он еврей, пока он не приехал в Принстон. Он был славный малый, добродушный и очень застенчивый, но такое отношение озлобило его. В отместку он выучился боксу и вышел из Принстона болезненно самолюбивым, со сплюснутым носом, и первая девушка, которая обошла с ним ласково, женила его на себе. Он прожил с женой пять лет, имел от нее троих детей, потерял почти все состояние в пятьдесят тысяч долларов, полученное в наследство от отца, – остальное имущество перешло к матери, – и под влиянием постоянных ссор с богатой женой превратился в довольно угрюмого субъекта; и вот в тот самый момент, когда он решил бросить жену, она сама бросила его, сбежав с художником-миниатюристом. Так как он чуть ли не полгода собирался бросить жену и только потому не мог на это отважиться, что лишить ее своей особы было бы слишком жестоко, ее отъезд послужил ему весьма полезным уроком.

Развод состоялся, и Роберт Кон уехал на Западное побережье. В Калифорнии он попал в литературную среду, и поскольку у него кое-что осталось от пятидесяти тысяч, он вскоре стал финансировать художественный журнал. Журнал начал выходить в Кармеле, штат Калифорния, и кончил свое существование в Провинстауне, штат Массачусетс. К этому времени Кон, на которого прежде смотрели лишь как на доброго ангела и чье имя фигурировало на титульном листе только в списке членов редакционного совета, стал единственным редактором журнала. Журнал как-никак выходил на его деньги, и он обнаружил, что положение редактора ему

нравится. Он очень горевал, когда издание журнала стало слишком дорогим удовольствием и ему пришлось от него отказаться.

Впрочем, к тому времени у него появились другие заботы. Его успела прибрать к рукам некая особа, которая надеялась возвыситься вместе с журналом. Это была весьма энергичная женщина, а прибрать Кона к рукам ничего не стоило. Кроме того, он был уверен, что любит ее. Когда она увидела, что рассчитывать на успех журнала не приходится, она слегка охладела к Кону и решила, что нужно воспользоваться чем можно, пока еще есть чем пользоваться, и настояла на поездке в Европу, где она когда-то воспитывалась и где Кон должен был стать писателем. Они уехали в Европу и пробыли там три года. За эти три года, – первый они провели в путешествиях, а два последних в Париже, – Роберт Кон приобрел двух друзей – Брэджокса и меня. Брэджокс был его литературным другом. Я был его другом по теннису.

Особа, завладевшая Робертом (звали ее Фрэнсис), к концу второго года спохватилась, что красота ее на ущербе, и беспечность, с которой она распоряжалась им и эксплуатировала его, сменилась твердым решением выйти за него замуж. В это время мать Роберта стала выдавать ему около трехсот долларов в месяц. Не думаю, чтобы за последние два с половиной года Роберт хоть раз взглянул на другую женщину. Он был почти счастлив, если не считать того, что он, подобно многим американцам, живущим в Европе, предпочел бы жить в Америке; и вдобавок он открыл в себе призвание писателя. Он написал роман, и этот роман вовсе не был так плох, как утверждали критики, хотя это был очень слабый роман. Он много читал, играл в бридж, играл в теннис и занимался боксом в одном из парижских спортивных залов.

Впервые я понял позицию, занятую Фрэнсис по отношению к нему, в тот вечер, когда я с ними обедал. Мы пообедали в ресторане Лавиня, а потом пошли пить кофе в кафе «Версаль». После кофе мы выпили по несколько рюмок коньяку, и я сказал, что мне пора уходить. За обедом Кон звал меня уехать вместе с ним куда-нибудь на воскресенье. Ему хотелось вырваться из города и хорошенько размять ноги. Я предложил лететь в Страсбург и оттуда отправиться пешком в Сент-Одиль или еще куда-нибудь по Эльзасу.

– В Страсбурге у меня есть знакомая, она покажет нам город, – сказал я.

Кто-то толкнул меня ногой под столом. Я думал, что это случайно, и продолжал:

– Она живет там уже два года и знает все, что нужно посмотреть в Страсбурге. Очень милая девушка.

Я снова почувствовал толчок под столом и, подняв глаза, увидел выставленный вперед подбородок и застывшее лицо Фрэнсис, подруги Роберта.

– А Впрочем, – сказал я, – зачем непременно в Страсбург? Мы можем поехать в Брюгге или в Арденны.

Кон облегченно вздохнул. Больше меня не толкали. Я пожелал им спокойной ночи и вышел. Кон сказал, что хочет купить газету и дойдет со мной до угла.

– Ради всего святого, – сказал он, – зачем вы заговорили об этой девушке в Страсбурге? Разве вы не видели лицо Фрэнсис?

– Нет. А зачем мне его видеть? Если у меня в Страсбурге есть знакомая американка, какое Фрэнсис до этого дело?

– Все равно. Чья бы ни была знакомая. Я не смог бы поехать, вот и все.

– Что за глупости.

– Вы не знаете Фрэнсис. Любая девушка, безразлично кто. Разве вы не видели, какое у нее было лицо?

– Ладно, – сказал я, – поедem в Санлис.

– Не сердитесь.

– Я не сержусь. Санлис – прекрасное место; мы можем остановиться в «Большом олене», походить по лесам и вернуться домой.

– Отлично. Это будет замечательно.

- Так завтра на теннисе, – сказал я.
- Спокойной ночи, Джейк, – сказал он и пошел обратно, в кафе.
- Вы забыли купить газету, – сказал я.
- Ах да. – Он дошел со мной до киоска на углу. – Вы ведь не сердитесь, Джейк? – сказал он, поворачивая назад с газетой в руках.
- Нет, чего ради мне сердиться?
- Увидимся на корте, – сказал он и пошел с газетой обратно, в кафе. Я смотрел ему вслед. Он нравился мне, а жилось ему с ней, очевидно, не сладко.

Глава вторая

Зимой Роберт Кон ездил в Америку со своим романом и пристроил его в довольно крупное издательство. Я слышал, что из-за этой поездки между ним и Фрэнсис произошла жестокая ссора, и тут-то, вероятно, она и потеряла его, потому что в Нью-Йорке женщины ухаживали за ним, и он вернулся в Париж совсем другим человеком. Он пуще прежнего восторгался Америкой и уже не был ни таким чистосердечным, ни таким славным. Издательство расхвалило его роман, и это вскружило ему голову. Кроме того, несколько женщин явно дарили его своим вниманием, и перед ним открылись новые горизонты. Целых четыре года его кругозор был ограничен собственной женой. Три года, или около того, он ничего дальше Фрэнсис не видел. Я уверен, что он ни разу в жизни не был влюблен.

Женитьба послужила ему утешением после тягостных лет, проведенных в университете, а Фрэнсис утешила его после сделанного им открытия, что он не был всем на свете для своей первой жены. Сейчас он еще не был влюблен, но уже понимал, что представляет некую привлекательную величину для женщин и что если женщина любит его и хочет с ним жить – в этом нет никакого чуда. Под влиянием этой мысли он так изменился, что его общество уже не доставляло мне прежнего удовольствия. Кроме того, играя в бридж по крупной со своими нью-йоркскими знакомыми и делая ставки выше своих средств, он сумел выиграть несколько сот долларов. Поэтому он возомнил себя первоклассным игроком и не раз говорил, что в случае необходимости можно отлично прокормиться игрой в бридж.

Но это еще не все: он начитался У. Х. Хадзона. Занятие как будто невинное, но Кон прочел и перечел «Пурпуровую страну». «Пурпуровая страна» – книга роковая, если читать ее в слишком зрелом возрасте. Она повествует о роскошных любовных похождениях безупречного английского джентльмена в сугубо романтической стране, природа которой описана очень хорошо. В тридцать четыре года пользоваться этой книгой как путеводителем по жизни так же небезопасно, как в этом же возрасте явиться на Уолл-стрит прямо из французской монастырской школы вооруженным серией брошюр «От чистильщика сапог до миллионера». Я уверен, что Кон принял каждое слово «Пурпуровой страны» так же буквально, как если бы это был «Финансовый бюллетень». Понятно, он допускал оговорки, но, в общем, принял книгу всерьез. Только этого не хватало, чтобы «завести» его. Я не представлял себе, до какой степени он «заведен», пока однажды он не пришел ко мне в редакцию.

– Хэлло, Роберт! – сказал я. – Вы пришли развеселить меня?

– Хотите поехать в Южную Америку, Джейк? – спросил он.

– Нет.

– Почему?

– Не знаю. Никогда не испытывал желания. Слишком дорого. Да здесь, в Париже, сколько угодно южноамериканцев.

– Это не настоящие южноамериканцы.

– А по-моему, они даже слишком настоящие.

Я должен был срочно сдать на согласованный поезд корреспонденцию за всю неделю, а написана была только половина.

– Сплетен никаких не знаете? – спросил я.

– Нет.

– Никто из ваших высокопоставленных друзей не разводится?

– Нет. Послушайте, Джейк. Если я возьму на себя все расходы, вы поедете со мной в Южную Америку?

– На что я вам?

– Вы говорите по-испански. И вообще вдвоем веселей.

– Нет, – сказал я, – мне нравится в Париже, а летом я поеду в Испанию.

– Всю жизнь я мечтал о таком путешествии, – сказал Кон. Он сел. – Пока я соберусь, я уже буду слишком стар.

– Не дурите, – сказал я. – Вы можете поехать куда угодно, у вас куча денег.

– Знаю. Но я не могу собраться.

– Не огорчайтесь, – сказал я. – Все страны похожи на кинофильм.

Но мне было жаль его. Он не на шутку расстроился.

– Я не могу примириться с мыслью, что жизнь проходит так быстро, а я не живу по-настоящему.

– Никто никогда не живет полной жизнью, кроме матадоров.

– Матадоры меня не интересуют: это ненормальная жизнь. Я хочу поехать в глубь Южной Америки. Это было бы замечательное путешествие.

– А поохотиться в Британской Восточной Африке вы не хотите?

– Нет, туда меня не тянет.

– В Африку я бы с вами поехал.

– Нет, это меня не интересует.

– Потому что вы ничего об этом не читали. Пойдите почитайте об амурах с лоснящейся черной красавицей.

– Я хочу в Южную Америку.

Была в нем эта черта – несокрушимое еврейское упрямство.

– Давайте сойдем вниз и выпьем чего-нибудь.

– А вы не заняты?

– Нет, – сказал я.

Мы спустились вниз, в кафе первого этажа. Я уже давно открыл, что это лучший способ выпроваживать посетителей. Выпив с приятелем, остается только сказать: «Ну, мне надо подняться наверх – отправить телеграммы», – и все. В газетном деле, этика которого требует, чтобы никто никогда не видел тебя за работой, очень важно изобретать такие непринужденные уходы со сцены. Итак, мы спустились в бар и выпили виски с содовой. Кон поглядел на ящики с бутылками, стоявшие у стены.

– Здесь хорошо, – сказал он.

– Много выпивки, – поддакнул я.

– Послушайте, Джейк. – Он наклонился над стойкой. – У вас никогда не бывает такого чувства, что жизнь ваша проходит, а вы ею не пользуетесь? Вы думаете о том, что вы уже прожили около половины отпущенного вам срока?

– Иногда думаю.

– Вы знаете, что через каких-нибудь тридцать пять лет нас уже не будет?

– Да бросьте, Роберт, – сказал я. – Бросьте.

– Я говорю серьезно.

– Вот уж о чем я не тревожусь, – сказал я.

– Напрасно.

– У меня достаточно было о чем тревожиться в свое время. Хватит.

– А все-таки я хочу в Южную Америку.

– Послушайте, Роберт: ничего не изменится от того, что вы поедете в другую страну. Я все это испробовал. Нельзя уйти от самого себя, переезжая с места на место. Тут уж ничем не поможешь.

– Но вы никогда не ездили в Южную Америку.

– Далась вам Южная Америка! Если вы поедете туда в теперешнем вашем настроении, все будет по-прежнему. Париж – хороший город. Почему вы не можете жить настоящей жизнью в Париже?

- Мне осточертел Париж, осточертел Латинский квартал.
- Не ходите туда. Курсируйте сами по себе и посмотрите, что с вами случится.
- Со мной никогда ничего не случится. Я как-то прошатался один всю ночь, и ничего не случилось, только полицейский на велосипеде остановил меня и велел предъявить документы.
- Разве город не хорош ночью?
- Я не люблю Парижа.

Вот вам, извольте. Мне было жаль Кона. Я ничем не мог ему помочь, потому что я сразу наталкивался на обе его навязчивые идеи: единственное спасение в Южной Америке, и он не любит Парижа. Первую идею он вычитал из книги и вторую, вероятно, тоже.

- Ну, – сказал я, – мне надо подняться вверх – отправить телеграммы.
- Вам непременно нужно идти?
- Да, я должен отправить телеграммы.
- Ничего, если я пойду с вами и посижу в редакции?
- Пожалуйста.

Он сидел в первой комнате, читал газеты и журнал «Редактор и издатель», а я целых два часа усердно стучал на машинке. Потом я разобрал рукописи по экземплярам, сделал пометки, положил все в большие конверты и вызвал курьера, чтобы он отнес их на вокзал Сен-Лазар. Я вышел в другую комнату, и там в большом кресле сидел Роберт Кон и спал. Он спал, положив голову на руки. Мне жаль было будить его, но я хотел запереть редакцию и уйти. Я тронул его за плечо. Он замотал головой.

– Не могу я этого сделать, – сказал он и глубже зарылся головой в скрещенные руки. – Не могу. Ни за что не сделаю.

- Роберт, – сказал я и потряс его за плечо.
- Он поднял голову, улыбнулся и заморгал глазами.
- Я сейчас говорил что-нибудь?
- Говорили. Но я не расслышал.
- Господи, какой дурацкий сон!
- Это моя машинка усыпила вас?
- Должно быть. Я прошлую ночь совсем не спал.
- Почему?
- Разговаривали, – ответил он.

Я легко мог представить себе их разговор. У меня скверная привычка представлять себе своих друзей в спальне. Мы отправились в кафе «Наполитен» выпить аперитив и смотреть вечернее гулянье на бульварах.

Глава третья

Был теплый весенний вечер, и после того как Роберт ушел, я остался сидеть за столиком на террасе кафе «Наполитен» и в наступающей темноте смотрел на вспышки световых реклам, на красные и зеленые сигналы светофоров, на толпу гуляющих, на фиакры, цокающие вдоль края сплошного потока такси, и на «курочек», проходивших по одной и парами в поисках ужина. Я смотрел на хорошенькую женщину, которая прошла мимо моего столика, и смотрел, как она пошла дальше по улице, и потерял ее из виду, и стал смотреть на другую, а потом увидел, что первая возвращается. Она снова прошла мимо меня, и я поймал ее взгляд, а она подошла и села за мой столик. Подскочил официант.

- Что ты будешь пить? – спросил я.
- Перно.
- Маленьким девочкам вредно пить перно.
- Сам маленький. Гарсон, рюмку перно.
- И мне рюмку перно.
- Ну как? – спросила она. – Хочешь время провести?
- Да. А ты?
- Там видно будет. В этом городе разве угадаешь?
- Ты не любишь Парижа?
- Нет.
- Почему ты не едешь в другое место?
- Нет другого места.
- А чем тебе здесь плохо?
- Да, чем?

Перно – зеленоватый суррогат абсента. Если налить в него воды, оно делается беловатым, как молоко. Вкусом напоминает лакрицу и сначала подбадривает, но зато после раскисаешь. Мы пили с ней перно, и у нее был недовольный вид.

- Ну, – сказал я, – может быть, ты угостишь меня ужином?

Она ухмыльнулась, и я понял, почему она упорно не хочет смеяться. С закрытым ртом она была очень недурна собой. Я заплатил за перно, и мы вышли на улицу. Я кликнул фиакр, и он подъехал к тротуару. Удобно усевшись в медлительном, мягко катящем фиакре, мы поехали по широкой, сияющей огнями и почти безлюдной авеню Оперы, мимо запертых дверей и освещенных витрин магазинов. Фиакр миновал редакцию «Нью-Йорк геральд», где все окно было заставлено часами.

- Зачем столько часов? – спросила она.
- Они показывают время по всей Америке.
- Не оstri.

Мы свернули на улицу Пирамид, проехали по тесной рю де Риволи и через темные ворота въехали в Тюильри. Она прижалась ко мне, и я обнял ее. Она взглянула на меня, ища поцелуя. Она коснулась меня рукой, и я отодвинул ее руку:

- Не надо.
- Что с тобой? Болен?
- Да.
- Все больны. Я тоже больна.

Мы выехали из Тюильри на свет, пересекли Сену и свернули на улицу Святых отцов.

- Зачем же ты пил перно, если ты болен?
- А ты зачем?
- Для меня это не имеет значения. Это не имеет значения для женщин.

- Как тебя зовут?
- Жоржет. А тебя?
- Джейкоб.
- Это фламандское имя.
- И американское.
- Ты, надеюсь, не фламандец?
- Нет, американец.
- Слава Богу, терпеть не могу фламандцев.

Мы подъезжали к ресторану. Я крикнул кучеру, чтобы он остановился. Мы вышли, и Жоржет ресторан не понравился.

– Не очень-то шикарное место.

– Нет, – сказал я. – Может быть, ты предпочитаешь поужинать у Фуайо? Села бы обратно в фиакр да поехала.

Я взял ее с собой потому, что у меня мелькнула смутная сентиментальная мысль, что приятно было бы поужинать с кем-нибудь вдвоем. Я давно уже не ужинал с «курочкой» и забыл, что это нестерпимо скучно. Мы вошли в ресторан и мимо конторки, за которой сидела мадам Лавинь, прошли в заднюю комнату. От еды Жоржет слегка повеселела.

– Здесь не так плохо, – сказала она. – Не шикарно, но кормят хорошо.

– Лучше, чем в Льеже.

– В Брюсселе, ты хочешь сказать.

Мы выпили вторую бутылку вина, и Жоржет стала шутить. Она улынулась, показывая все свои испорченные зубы, и мы чокнулись.

– Ты, в общем, славный малый, – сказала она. – Свинство, что ты болен. Мы бы поладили. А что с тобой такое?

– Я был ранен на войне, – сказал я.

– Уж эта проклятая война!

Мы, вероятно, пустились бы в рассуждения о войне и решили бы, что она приводит к гибели цивилизации и что, может быть, лучше обойтись без нее. С меня было довольно. Как раз в эту минуту кто-то крикнул из первой комнаты:

– Барнс! Эй, Барнс! Джейкоб Барнс!

– Это мой приятель, – объяснил я и вышел.

За длинным столом сидел Брэдокс с целой компанией: Кон, Фрэнсис Клайн, миссис Брэдокс и еще какие-то незнакомые мне люди.

– Едем танцевать, да? – спросил Брэдокс.

– Куда танцевать?

– В дансинг, конечно. Разве вы не знаете, что мы снова ввели танцы? – вмешалась миссис Брэдокс.

– Поедем с нами, Джейк. Мы все едем, – сказала Фрэнсис с другого конца стола. Она сидела очень прямо и усиленно улыбалась.

– Конечно, он поедет, – сказал Брэдокс. – Идите сюда, Барнс, и выпейте с нами кофе.

– Хорошо.

– И приведите свою даму, – смеясь, сказала миссис Брэдокс. Она была уроженкой Канады и отличалась свойственной канадцам непринужденностью в обращении.

– Спасибо, сейчас придем, – сказал я. Я вернулся в заднюю комнату.

– Кто такие твои приятели? – спросила Жоржет.

– Писатели и художники.

– Их пропасть в этом районе.

– Слишком много.

– Слишком. Хотя кое-кто хорошо зарабатывает.

– О да.

Мы кончили ужинать и допили вино.

– Пойдем, – сказал я. – Кофе будем пить с ними.

Жоржет открыла сумочку и, смотрясь в зеркальце, провела несколько раз пуховкой по лицу, подкрасила губы и поправила шляпу.

– Идем, – сказала она.

Мы вошли в переполненную публикой комнату; Брэddокс и остальные мужчины за столом встали.

– Позвольте представить вам мою невесту, мадемуазель Жоржет Леблан, – сказал я.

Жоржет улыбнулась своей чарующей улыбкой, и мы все по очереди пожали руки.

– Скажите, вы родственница певицы Жоржет Леблан? – спросила миссис Брэddокс.

– Не знаю такой, – ответила Жоржет.

– Но вас зовут так же, – приветливо сказала миссис Брэddокс.

– Нет, – сказала Жоржет. – Ничего подобного. Моя фамилия Хобэн.

– Но ведь мистер Барнс представил вас как мадемуазель Жоржет Леблан. Разве нет? – настаивала миссис Брэddокс, которая от возбуждения, что говорит по-французски, плохо понимала смысл своих слов.

– Он дурак, – сказала Жоржет.

– Ах, значит, это шутка, – сказала миссис Брэddокс.

– Да, – сказала Жоржет. – Чтобы посмеяться.

– Слышишь, Генри? – крикнула миссис Брэddокс через весь стол своему мужу. – Мистер Барнс представил свою невесту как мадемуазель Леблан, а на самом деле ее фамилия Хобэн.

– Конечно, дорогая! Мадемуазель Хобэн, – я давно с нею знаком.

– Скажите, мадемуазель Хобэн, – заговорила Фрэнсис Клайн, произнося французские слова очень быстро и, по-видимому, не испытывая, подобно миссис Брэddокс, ни особенной гордости, ни удивления от того, что у нее действительно получается по-французски, – вы давно в Париже? Вам нравится здесь? Вы любите Париж, правда?

– Кто это такая? – Жоржет повернулась ко мне. – Нужно мне с ней разговаривать?

Она повернулась к Фрэнсис, которая сидела улыбаясь, сложив руки, прямо держа голову на длинной шее и выпятив губы, готовая снова заговорить.

– Нет, я не люблю Парижа. Здесь дорого и грязно.

– Что вы? Я нахожу, что Париж необыкновенно чистый город. Один из самых чистых городов в Европе.

– А по-моему, грязный.

– Как странно! Может быть, вы недавно здесь живете?

– Достаточно давно.

– Но здесь очень славные люди. С этим нельзя не согласиться.

Жоржет повернулась ко мне:

– Миленькие у тебя друзья.

Фрэнсис была слегка пьяна, и ей хотелось продолжать разговор, но подали кофе, и Лавинь принес ликеры, а после мы все вышли и отправились в дансинг, о котором говорили Брэddоксы.

Дансинг оказался «Bal Musette» около Пантеона. Пять вечеров в неделю здесь танцевали рабочие этого района, но один вечер в неделю помещение превращалось в дансинг. В понедельник вечером было закрыто. Когда мы приехали, в дансинге не было ни души, кроме полицейского, сидевшего у двери, жены хозяина за обитой цинком стойкой и самого хозяина. Как только мы вошли, сверху спустилась дочь хозяев. В комнате стояли столы и длинные скамейки, а в дальнем конце была площадка для танцев.

– Жалко, что так поздно собираются, – сказал Брэddокс.

Дочь хозяев подошла к нам и спросила, что нам подать. Хозяин взобрался на высокий табурет возле площадки и заиграл на аккордеоне. Вокруг щиколотки у него был шнурок с колокольчиками, и он, играя, отбивал ногой такт. Все пошли танцевать. Было жарко, и мы вернулись к столу потные.

– О Господи! – сказала Жоржет. – Я вся мокрая.

– Жарко.

– Просто ужас!

– Сними шляпу.

– Пожалуй.

Жоржет пригласили танцевать, и я подошел к стойке. Было на самом деле очень жарко, и аккордеон приятно звучал в жарком вечернем воздухе. Я выпил кружку пива, стоя у самой двери, с улицы дул прохладный ветерок. По крутой улице спускались две машины. Оба такси остановились перед дансингом. Из машины вышли молодые люди – кто в джемпере, кто просто без пиджака. В свете, падающем из дверей, я видел их руки и свежeweымытые завитые волосы. Полицейский, стоящий возле двери, посмотрел на меня и улыбнулся. Они вошли. Когда они входили, гримасничая, жестикулируя, болтая, я увидел в ярком свете белые руки, завитые волосы, белые лица. С ними была Брет. Она была очень красива и совсем как в своей компании.

Один из молодых людей увидел Жоржет и сказал:

– Вот это марка. Неподдельная шлюха. Желаю танцевать с ней. Летт, можешь полюбоваться мной.

Высокий брюнет, которого звали Леттом, сказал:

– Образумься, умоляю тебя.

Завитой блондин ответил:

– Не тревожься, счастье мое. – И с ними была Брет.

Я очень злился. Почему-то они всегда злили меня. Я знал, что их считают забавными и что нужно быть снисходительным, но мне хотелось ударить кого-нибудь из них, все равно кого, лишь бы поколебать их жеманное нахальство. Вместо этого я вышел на улицу и выпил кружку пива в баре соседнего дансинга. Пиво оказалось плохое, и я запил его коньяком, который был еще хуже. Когда я вернулся в дансинг, на площадке толпились пары, и Жоржет танцевала с высоким блондином, который танцевал, вихляя бедрами, склонив голову набок и закатывая глаза. Как только танец кончился, ее снова пригласили. Они приняли ее в свою компанию. Я знал, что теперь они все будут танцевать с нею. У них всегда так.

Я сел за стол. За этим же столом сидел Кон. Фрэнсис танцевала. Миссис Брэддокс привела кого-то и познакомила его с нами, назвав Робертом Прентисом. Он оказался уроженцем Чикаго, жителем Нью-Йорка и подающим надежды писателем. Говорил он с легким английским акцентом. Я предложил ему выпить.

– Благодарю вас, – сказал он, – я только что пил.

– Выпейте еще.

– Благодарю вас, выпью.

Мы поманили мадемуазель Лавинь и заказали по стакану коньяку с водой.

– Вы, я слышал, из Канзас-Сити, – сказал он.

– Да.

– Нравится вам в Париже?

– Да.

– Правда?

Я был немного пьян. Не совсем пьян, не по-настоящему, но достаточно, чтобы не церемониться.

– Ради всего святого, – сказал я, – да. А вам?

– Как вы очаровательно злитесь, – сказал он. – Хотел бы я обладать этой способностью.

Я встал и направился к танцующим. Миссис Брэддокс пошла за мной.

– Не сердитесь на Роберта, – сказала она, – он же еще совсем ребенок.

– Я вовсе не сержусь, – сказал я. – Просто я боялся, что меня стошнит.

– Ваша невеста пользуется большим успехом. – Миссис Брэддокс смотрела на Жоржет, которая кружилась в объятиях высокого bruneta по имени Летт.

– Не правда ли? – сказал я.

– Безусловно, – сказала миссис Брэддокс.

Подошел Кон.

– Пойдемте, Джейк, – сказал он, – выпьем. – Мы направились к стойке. – Что с вами? У вас такой вид, словно вы чем-то расстроены.

– Ничуть. Просто меня тошнит от всего этого.

К стойке подошла Брет:

– Хэлло, друзья.

– Хэлло, Брет, – сказал я. – Почему вы не пьяная?

– Никогда больше не буду напиваться. Дайте человеку коньяку с содовой.

Она стояла у стойки, держа стакан в руке, и я видел, что Роберт Кон смотрит на нее. Так, вероятно, смотрел его соотечественник, когда увидел землю обетованную. Кон, разумеется, был много моложе. Но взгляд его выражал то же нетерпеливое, требовательное ожидание.

Брет – в закрытом джемпере, суконной юбке, остриженная, как мальчик, – была необыкновенно хороша. С этого все и началось. Округлостью линий она напоминала корпус гоночной яхты, и шерстяной джемпер не скрывал ни одного изгиба.

– В каком вы блестящем обществе, Брет, – сказал я.

– Правда, они бесподобны? А вы, дорогой мой! Где вы ее подцепили?

– В кафе «Наполитен».

– И хорошо провели вечер?

– Божественно, – сказал я.

Брет засмеялась.

– Это нехорошо с вашей стороны, Джейк. Просто пощечина всем нам. Подумайте, здесь Фрэнсис и Джо.

– Это – специально для Кона.

– На безрыбье и рак рыба, – сказала Брет. Она снова засмеялась.

– Вы необыкновенно трезвы, – сказал я.

– Да. Удивительно, правда? А в такой компании, в какой я сегодня, можно бы пить без малейшего риска.

Заиграла музыка, и Роберт Кон сказал:

– Разрешите пригласить вас, леди Брет?

Брет улыбнулась ему.

– Я обещала этот танец Джейкобу. – Она засмеялась. – У вас ужасно старозаветное имя, Джейк.

– А следующий? – спросил Кон.

– Мы сейчас уходим, – сказала Брет. – Мы условились быть на Монмартре.

Танцуя, я взглянул через плечо Брет и увидел, что Кон стоит у стойки и по-прежнему смотрит на нее.

– Еще одна жертва, – сказал я ей.

– И не говорите. Бедный мальчик. Я сама только сейчас заметила.

– Бросьте, – сказал я. – Вам же нравится набирать их.

– Не говорите вздора.

– Конечно, нравится.

– Ну а если и так?

– Ничего, – сказал я.

Мы танцевали под аккордеон и банджо, на котором кто-то заиграл. Было жарко, но я чувствовал себя хорошо. Мы почти столкнулись с Жоржет, танцевавшей с очередным юнцом из той же компании.

– Что это вам вздумалось привести ее?

– Не знаю, просто так.

– Романтика одолевает?

– Нет, скука.

– И сейчас?

– Сейчас нет.

– Выйдем отсюда. О ней здесь позаботятся.

– Вы правда хотите?

– Раз я предложила, значит, хочу.

Мы ушли с площадки, и я снял свое пальто, висевшее на вешалке, и надел его. Брет стояла у стойки. Кон что-то говорил ей. Я подошел к стойке и попросил конверт. Я достал из кармана пятидесятифранковую бумажку, вложил ее в конверт, запечатал и передал хозяйке.

– Пожалуйста, если девушка, с которой я приехал, спросит про меня, дайте это ей, – сказал я. – Если она уйдет с кем-нибудь из молодых людей, сохраните это для меня.

– C'est entendu, monsieur¹, – сказала хозяйка. – Вы уже уходите? Так рано?

– Да, – сказал я.

Мы пошли к дверям. Кон все еще что-то говорил Брет. Она попрощалась с ним и взяла меня под руку.

– Спокойной ночи, Кон, – сказал я.

Выйдя на улицу, мы стали искать глазами такси.

– Пропали ваши пятьдесят франков, – сказала Брет.

– Не важно.

– Ни одного такси.

– Можно дойти до Пантеона и там взять.

– Зайдем в соседний бар и пошлем за такси, а пока выпьем.

– Даже улицу перейти не хотите.

– Если можно обойтись без этого.

Мы зашли в ближайший бар, и я послал официанта за такси.

– Ну вот, – сказал я. – Мы и ушли от них.

Мы стояли у высокой, обитой цинком стойки, молчали и смотрели друг на друга. Официант вернулся и сказал, что такси дожидается. Брет крепко сжала мне руку. Я дал официанту франк, и мы вышли.

– Куда велеть ему ехать? – спросил я.

– Пусть едет куда хочет.

Я велел шоферу ехать в парк Монсури, вошел и захлопнул дверцу. Брет прижалась в угол, закрыв глаза. Я сел подле нее. Машина дернула и покатила.

– Ох, милый, я такая несчастная! – сказала Брет.

¹ Хорошо, месье (фр.).

Глава четвертая

Машина поднялась в гору, пересекла освещенную площадь, потом еще поднялась, потом спустилась в темноту и мягко покатила по асфальту темной улицы позади церкви Сент-Этьен-дю-Мон, миновала деревья и стоянку автобусов на площади Контрэскарп, потом въехала на булыжную мостовую улицы Муфтар. По обеим сторонам улицы светились окна баров и витрины еще открытых лавок. Мы сидели врозь, а когда мы поехали по старой тряской улице, нас тесно прижало друг к другу. Брет сняла шляпу. Откинула голову. Я видел ее лицо в свете, падающем из витрин, потом стало темно, потом, когда мы выехали на авеню Де-Гобелен, я отчетливо увидел ее лицо. Мостовая была разворочена, и люди работали на трамвайных путях при свете ацетиленовых горелок. Белое лицо Брет и длинная линия ее шеи были ясно видны в ярком свете горелок. Когда опять стало темно, я поцеловал ее. Мои губы прижались к ее губам, а потом она отвернулась и забилась в угол, как можно дальше от меня. Голова ее была опущена.

– Не трогай меня, – сказала она. – Пожалуйста, не трогай меня.

– Что с тобой?

– Я не могу.

– Брет!

– Не надо. Ты же знаешь. Я не могу – вот и все. Милый, ну пойми же!

– Ты не любишь меня?

– Не люблю? Да я вся точно кисель, как только ты тронешь меня.

– Неужели ничего нельзя сделать?

Теперь она сидела выпрямившись. Я обнял ее, и она прислонилась ко мне, и мы были совсем спокойны. Она смотрела мне в глаза так, как она умела смотреть, – пока не начинало казаться, что это уже не ее глаза. Они смотрели и все еще смотрели, когда любые глаза на свете давно перестали бы смотреть. Она смотрела так, словно в мире не было ничего, на что она не посмела бы так смотреть, а на самом деле она очень многого в жизни боялась.

– И ничего, ничего нельзя сделать, – сказал я.

– Не знаю, – сказала она. – Я не хочу еще раз так мучиться.

– Лучше бы нам не встречаться.

– Но я не могу не видеть тебя. Ведь не только в этом дело.

– Нет, но сводится всегда к этому.

– Это я виновата. Разве мы не платим за все, что делаем?

Все время она смотрела мне в глаза. Ее глаза бывали разной глубины, иногда они казались совсем плоскими. Сейчас в них можно было глядеть до самого дна.

– Как подумаю, сколько все они от меня натерпелись. Теперь я расплачиваюсь за это.

– Глупости, – сказал я. – Кроме того, принято считать, что то, что случилось со мной, очень смешно. Я никогда об этом не думаю.

– Еще бы. Не сомневаюсь.

– Ну, довольно об этом.

– Я сама когда-то смеялась над этим. – Она не смотрела на меня. – Товарищ моего брата вернулся таким из Монса. Все приняли это как ужасно веселую шутку. Человек никогда ничего не знает, правда?

– Правда, – сказал я. – Никто никогда ничего не знает.

Я более или менее покончил с этим вопросом. В свое время я, вероятно, рассмотрел его со всех возможных точек зрения, включая и ту, согласно которой известного рода изъязны или увечья служат поводом для веселья, между тем как в них нет ничего смешного для пострадавшего.

– Это забавно, – сказал я. – Это очень забавно. И быть влюбленным тоже страшно забавно.

– Ты думаешь? – Глаза ее снова стали плоскими.

– То есть не в том смысле забавно. Это до некоторой степени приятное чувство.

– Нет, – сказала она. – По-моему, это сущий ад.

– Хорошо быть вместе.

– Нет. По-моему, ничего хорошего.

– Разве ты не хочешь меня видеть?

– Я не могу тебя не видеть.

Теперь мы сидели как чужие. Справа был парк Монсури. Ресторан, где есть пруд с живыми форелями и где можно сидеть и смотреть в парк, был закрыт и не освещен. Шофер обернулся.

– Куда мы поедем? – спросил я.

Брет отвела глаза.

– Пусть едет в кафе «Селект».

– Кафе «Селект», – сказал я шоферу. – Бульвар Монпарнас.

Мы поехали дальше, обогнув Бельфорского льва, который сторожит Монружскую трамвайную линию. Брет смотрела прямо перед собой. На бульваре Распай, когда показались огни Монпарнаса, Брет сказала:

– У меня к тебе просьба. Только ты не рассердишься?

– Не говори глупости.

– Поцелуй меня еще раз, пока мы не приехали.

Когда такси остановилось, я вышел и расплатился. Брет вышла, на ходу надевая шляпу. Она оперлась на мою руку, когда сходила с подножки. Ее рука дрожала.

– У меня очень неприличный вид? – Она надвинула на глаза свою мужскую фетровую шляпу и вошла в кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.